

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

INTERACTION BETWEEN THE STATE AND CIVIL SOCIETY

Ars Administrandi (Искусство управления). 2026. Т. 18, № 2. С. 298–319.

Ars Administrandi. 2026. Vol. 18, no. 2, pp. 298–319.

Эта работа © 2026 Каргиновой-Губиновой В. В. распространяется под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

This work © 2026 by Karginova-Gubinova, V. V. is licensed under Creative Commons Attribution 4.0 International. To view a copy of this license, visit <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Научная статья

УДК 330.16, 339.923

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2026-2-298-319>

СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ЕАЭС ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Валентина Владимировна Каргинова-Губинова¹

¹ Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия,
vkarginowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8630-3621>

Аннотация. Введение: невозможность самостоятельного решения органами власти имеющихся экологических проблем делает исключительно значимой деятельность третьего сектора. При этом ее эффективность допустимо повысить за счет международного взаимодействия. **Цель:** изучение распространенности и особенностей сотрудничества некоммерческих организаций Российской Федерации с субъектами прочих стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) при реализации экологических проектов. **Методы:** в работе анализировались характеристики проектов третьего сектора, поданных с 2017 по 2023 год на конкурсы Фонда президентских грантов. Методология исследования предполагала проведение контент-анализа и расчет показателей дескриптивной статистики. **Результаты:** подтверждено, что в течение рассматриваемого периода российские некоммерческие организации, разрабатывая экологические проекты, были слабо ориентированы на взаимодействие с иными субъектами государств ЕАЭС. Однако вследствие происходящих геополитических изменений доля проектов, предполагающих такое сотрудничество, растет. В то же время оно нередко ограничивается лишь обучением граждан из других стран ЕАЭС. Следовательно, можно говорить о слабом использовании экспертного, консультационного, координационного и научно-технического потенциала всех субъектов интеграционного объединения. **Выводы:** теоретическая значимость работы заключается в установ-

лении заинтересованности во взаимодействии российских некоммерческих организаций с гражданами, компаниями и органами власти прочих государств ЕАЭС. Исследование уточняет теорию коллективных действий, а именно наличие учета возможности и целесообразности повышения эффективности экологических проектов благодаря сотрудничеству с иными субъектами с близкой социальной идентичностью. Практическую ценность имеют рекомендации органам власти и специалистам Фонда президентских грантов, направленные на повышение качества проектов третьего сектора и, соответственно, более эффективное решение экологических проблем.

Ключевые слова: экологические проблемы, международное сотрудничество, международное взаимодействие, Евразийский экономический союз, интеграционные объединения, третий сектор, теория коллективных действий, эффективность экологических проектов

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН по теме «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

Для цитирования: Каргинова-Губинова В. В. Сотрудничество в рамках ЕАЭС при реализации экологических проектов некоммерческих организаций // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2026. Т. 18, № 2. С. 298–319. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2026-2-298-319>.

Original article

COOPERATION WITHIN THE EAEU FRAMEWORK IN IMPLEMENTING ENVIRONMENTAL PROJECTS BY NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Valentina V. Karginova-Gubinova¹

¹ Institute of Economics, Karelian Research Centre of the RAS, Petrozavodsk, Russia, vkarginowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8630-3621>

Abstract. Introduction: the inability of government authorities to independently address the existing environmental challenges underscores the critical role of the third sector. Moreover, its effectiveness can be enhanced through international cooperation. **Objectives:** to study the prevalence and peculiarities of cooperation between non-profit organizations (NPOs) of the Russian Federation and entities from other countries of the Eurasian Economic Union (EAEU) in the implementation of environmental projects. **Methods:** the paper analyzed the characteristics of third-sector projects submitted to the Presidential Grants Fund competitions in 2017-2023. The research methodology involved content analysis and calculation of descriptive statistics indicators. **Results:** it was confirmed that during the period under review, Russian non-profit organizations developing environmental projects showed limited orientation towards collaboration with entities of other EAEU member states. However, due to ongoing geopolitical changes, the share of projects involving such cooperation is growing. At the same time, it is often limited to the training of citizens from other EAEU countries. Thus, there is underutilization of the expert, consulting, coordinating and scientific-technical potential of all actors within the integration association. **Conclusions:** the theoretical significance of the work lies in the identifying the specific features and level of interest in cooperation between Russia NPOs and citizens, companies and government authorities from other EAEU states. The study clarifies the theory of collective action, by highlighting

the potential and rationale for improving the effectiveness of environmental projects through collaboration with other actors sharing similar social identities. Practical value is provided by the recommendation addressed to government authorities and specialists at the Presidential Grants Fund. These recommendations are aimed at enhancing the quality of the third sector projects, and, consequently, more effective resolutions to environmental problems.

Keywords: environmental problems, international cooperation, international interaction, Eurasian Economic Union, integration associations, third sector, collective action theory, efficiency of environmental projects

Acknowledgements: the research was supported by the government fund of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences “Comprehensive study and elaboration of management principles for sustainable development of Russia’s northern and borderland belts in the context of global challenges”.

For citation: Karginova-Gubinova, V. V. (2026), “Cooperation within the EAEU framework in implementing environmental projects by non-profit organizations”, *Ars Administrandi*, vol. 18, no. 2, pp. 298–319, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2026-2-298-319>.

ВВЕДЕНИЕ

Значительная деградация качества экосистем (Каргинова-Губинова, 2024b; Tan et al., 2021), а также ограниченные возможности органов власти в предоставлении общественных благ (Song, 2024) определяют особую важность экологических проектов третьего сектора. При этом известно, что международное взаимодействие субъектов экономики (Olson, 1971), в частности в рамках одного интеграционного объединения (Liu et al., 2023), может повысить эффективность осуществляемой деятельности.

С учетом вышеизложенного целью исследования стало изучение распространности и особенностей сотрудничества некоммерческих организаций Российской Федерации с субъектами прочих стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) при реализации экологических проектов¹. Напомним, в настоящее время в состав ЕАЭС входят пять стран: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация. Выбор ЕАЭС среди прочих интеграционных объединений обусловлен тем, что это одно из наиболее значимых интеграционных объединений для нашей страны, отражающее ее интересы как евразийского государства.

В работе анализировались характеристики экологических проектных заявок третьего сектора, поданных с 2017 по 2023 год (далее также проекты 2017–2023 годов) на конкурсы Фонда президентских грантов. Подчеркнем, что указанный фонд является ключевым механизмом финансирования деятельности некоммерческих организаций, в связи с чем база заявок фонда содержит широкий перечень данных об этой деятельности. Методология исследования предполагала проведение контент-анализа и применение методов дескриптивной статистики.

¹ В данной работе термины «сотрудничество» и «взаимодействие» используются как синонимичные.

Теоретическая значимость работы заключается в установлении особенностей и заинтересованности во взаимодействии представителей третьего сектора России с гражданами, компаниями и органами власти прочих стран ЕАЭС. Исследование уточняет теорию коллективных действий, а именно наличие учета возможности и целесообразности повышения эффективности экологических проектов посредством сотрудничества с иными субъектами с близкой социальной идентичностью. Практическую ценность имеют рекомендации органам власти и специалистам Фонда президентских грантов, позволяющие повысить качество проектов, реализуемых некоммерческими организациями, и, соответственно, эффективность противодействия экологическим рискам и угрозам.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Деятельность представителей третьего сектора направлена на решение различных проблем общества, среди которых стоит назвать и экологические. Последние по форме вовлеченности некоммерческих организаций допустимо разделить на основании двух критериев: участия в решении проблем (активного или пассивного) и ориентации (на правительство или общество). В связи с этим можно выделить четыре основных ролевых типа: предприниматель (активная роль, ориентированная на правительство), поставщик услуг (пассивная роль с ориентацией на правительство), помощник (активная роль, ориентированная на общество) и партнер (пассивная роль с ориентацией на общество) (Greenspan et al., 2022). Подтверждено, что представители третьего сектора, в том числе международные организации, способствуют формированию масштабного видения проблем, в частности относящихся к обеспечению устойчивого развития (O'Neill, 2015).

Важно отметить, что некоммерческие организации в рамках своей деятельности могут сотрудничать с коммерческими компаниями. Подобное взаимодействие в экологической сфере, а именно при создании рынка авиационного биотоплива, имело место между KLM Royal Dutch Airlines и Всемирным фондом дикой природы Нидерландов (Mousavi and Bossink, 2020). Причем некоммерческие организации, в том числе международные, сотрудничают не только с крупными корпорациями, но и с малым и средним бизнесом – например, в области внедрения практик корпоративной социальной ответственности (Stekelorum et al., 2020). С этой же целью представители третьего сектора воздействуют на отношения международных компаний с местными в рамках одной цепочки поставок (Liu and Heugens, 2024).

Кроме того, некоммерческие организации, и местные, и международные, взаимодействуют с органами власти (Shah et al., 2022; Koebele, 2020) – в частности, для предотвращения последствий стихийных бедствий (Shah et al., 2022) или обеспечения переговоров представителей различных стран (Koebele, 2020).

Наконец, происходит сотрудничество между самими местными и международными некоммерческими организациями (Tran and AbouAssi, 2021; Koebele, 2020), которое допустимо рассматривать и как средство, и как самоцель. Вместе с тем подчеркивается, что хотя международные некоммерческие организации способны расширять возможности местных, однако этот процесс сопровождается повышением риска обхода федеральных и региональных

органов власти, а также разрушения локальных экосистем (Tran and AbouAssi, 2021). Можно предположить, что аналогичные риски характерны и для получения локальными представителями третьего сектора финансирования из международных фондов (Timilsina, 2021).

Применительно к кампаниям, проводимым против транснациональных корпораций, в литературе показано, что в фокусе внимания некоммерческих организаций в первую очередь оказываются национальные бизнес-структуры или иностранные, которые осуществляют деятельность в их стране (Hatte and Koenig, 2020). В целом, по всей видимости, стоит говорить о том, что представители третьего сектора преимущественно делают акцент на местных проблемах и получении локальных эффектов. Хотя наблюдается и тенденция «колонизации» транснациональными некоммерческими организациями Глобального Севера территории Глобального Юга, выражающаяся в переносе существующих практик (Schmitz and Mitchell, 2022).

Представители третьего сектора могут реализовывать проекты экологической направленности не только в регионе регистрации, но при этом им важно учитывать особенности населения выбранной территории, что в настоящее время не всегда имеет место. В частности, подтверждено, что при проведении на Глобальном Юге мероприятий по повышению осведомленности о последствиях изменения климата и противодействующих ему мерах недостаточно принимается во внимание сложившаяся система верований коренных народов и их жизненный опыт. И хотя в результате обеспечивается понимание населения, что погодные явления обусловлены существующим климатом, однако зачастую коренные народы начинают связывать изменения климата исключительно с действиями глобальных акторов из иных регионов, а не с собственным поведением. Соответственно, описанные мероприятия слабо способствуют трансформации действий граждан (Rödder, 2020).

Также следует отметить, что деятельность транснациональных некоммерческих организаций осложняется геополитическими сдвигами, растущими требованиями к отчетности и усиливающейся конкуренцией (Mitchell et al., 2020). Получают распространение ограничения деятельности международных некоммерческих организаций на территории отдельных стран (Heinzel and Koenig-Archibugi, 2023; Fransen et al., 2021). Кроме того, укрепляется негативное отношение к транснациональным некоммерческим организациям со стороны граждан, снижаются объемы пожертвований, хотя данные тенденции не носят всеобъемлющего характера (Banks et al., 2020). Применительно к проектам представителей третьего сектора в сфере международного развития показано, что их слабые результаты обусловлены отсутствием или ненадлежащим управлением социальными связями и знаниями. Для достижения большего эффекта от деятельности некоммерческих организаций необходимо вовлечение заинтересованных сторон во все этапы жизненного цикла проекта, что позволит контролировать его реализацию, обеспечит взаимное уважение стейкхолдеров и своевременную адаптацию деятельности организаций при изменении условий (Miković et al., 2020).

Таким образом, проведенный литературный обзор подтверждает: несмотря на существующие риски и ограничения, некоммерческие организации в рамках своей деятельности взаимодействуют с акторами из других стран:

иными представителями третьего сектора, коммерческими компаниями и органами власти. При этом целью подобного сотрудничества становится улучшение не только возможностей некоммерческих организаций для решения проблем в регионе регистрации, но и ситуации в иных регионах.

В настоящее время проведено сравнение деятельности представителей третьего сектора отдельных стран ЕАЭС, например России и Казахстана (Тюхов, 2022). Установлена значительная роль некоммерческих организаций в адаптации и интеграции мигрантов, приезжающих в Российскую Федерацию из ближнего зарубежья, в том числе из стран ЕАЭС (Нам, 2023). Изучены трансформация и интеграция институтов гражданского общества государств ЕАЭС, в частности создание Общественной палаты стран ЕАЭС (Завьялов и Середа, 2024). Дана оценка целесообразности и перспектив взаимодействия представителей третьего сектора в рамках иных интеграционных объединений, таких как БРИКС (Курумчина, 2021, 2024), Европейский союз (Drelich-Skulska and Domiter, 2020; Geyer, 2001) и т. д. Однако до сих пор не проводилось комплексного исследования сотрудничества российских некоммерческих организаций с акторами из других стран ЕАЭС.

Таким образом, новизна данной работы состоит в изучении распространённости, направлений, форм и прочих особенностей взаимодействия представителей третьего сектора Российской Федерации с гражданами, компаниями и органами власти прочих государств ЕАЭС при реализации экологических проектов.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология исследования основана на теории коллективных действий, понимаемых как действия группы индивидов, направленные на обеспечение определенных социальных изменений (Becker, 2012, p. 648). Совершение коллективных действий обусловлено социальной идентичностью, а также эффективностью группы и восприятием ею несправедливости (Van Zomeren et al., 2008, p. 505). Принимая во внимание цель проводимого исследования и опираясь на вышеназванную теорию, допустимо ожидать сотрудничества представителей третьего сектора с акторами других стран ЕАЭС из-за наличия у них общих ценностей (в частности, ценности природы), нерешенных проблем и рисков, для обеспечения мобилизации ресурсов.

Исследование построено на данных 5 853 проектных заявок, направленных с 2017 по 2023 год на конкурсы Фонда президентских грантов по направлению «Охрана окружающей среды и защита животных»². Из указанного числа заявок с помощью контент-анализа были отобраны те, что предполагают взаимодействие с субъектами из иных государств ЕАЭС: участие граждан этих стран в проводимых мероприятиях (для повышения экологической грамотности, в роли экспертов и т. д.), организацию мероприятий непосредственно на территории этих стран и др. На данном этапе анализировались

² *Проекты* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Фонда президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/cards> (дата обращения: 12.06.2025).

шесть разделов проектных заявок, которые находятся в открытом доступе: название проекта, его краткое описание, цель, задачи, обоснование социальной значимости и география. В перечисленных разделах осуществлен поиск морфем, потенциально свидетельствующих о планируемом сотрудничестве в рамках ЕАЭС: армени-, армян-, беларус-, белорус-, казах-, кыргыз-, киргиз-, евраз-, а также аббревиатуры ЕАЭС.

В результате проведенного контент-анализа отобрано 109 проектов, из которых в дальнейшем, после качественного рассмотрения текстов заявок, исключены 74 проекта. В них искомые «морфемы» не указывали на предполагаемое взаимодействие с субъектами стран ЕАЭС. Например, они были использованы в рамках описания прошлого опыта и возможных направлений на будущее; при упоминании города Армянска, трактора «Беларус», улицы Белорусской, башни «Евразия», Евразийского сада, компании «ЕвразХолдинг»; являлись частями слов «кинопоказах», «показах», «рассказах», «указах», «невразумительные»; характеризовали иную территорию – в частности, Евразия понималась как Россия, Монголия и Китай и т. д. Таким образом, только 35 проектов были отнесены к тем, в которых планировалось сотрудничество в рамках ЕАЭС.

Принимая во внимание происходящие геополитические изменения, способные влиять на вектор международной ориентации некоммерческих организаций, мы разделили рассматриваемый период на три временных отрезка:

– I этап – первые конкурсы Фонда президентских грантов: конкурсы 2017 года – первый конкурс 2020 года (2017–2019 годы; заявки на первый конкурс 2020 года принимались осенью 2019-го);

– II этап – конкурсы, проведенные в период пандемии COVID-19: второй конкурс 2020 года – первый конкурс 2022 года (2020–2021 годы; прием заявок на первый конкурс 2022 года проходил осенью 2021-го);

– III этап – конкурсы во время становления мобилизационной экономики: второй конкурс 2022 года – первый конкурс 2024 года (2022–2023 годы; прием заявок на первый конкурс 2024 года проходил осенью 2023-го).

Проведено сопоставление числа, удельного веса, среднего рейтинга, сумм расходов и доли финансирования по проектам, предполагающим взаимодействие в целом в рамках ЕАЭС или с некоторыми членами этого интеграционного объединения, а также применительно к различным формам и сферам указанного взаимодействия (выделены непосредственно нами).

Ограничением данной работы является отсутствие учета сотрудничества российских некоммерческих организаций с субъектами из отдельных государств ЕАЭС, которое происходило в границах иных интеграционных объединений, например Содружества Независимых Государств.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2017–2023 годах доля экологических проектов, поданных на конкурсы Фонда президентских грантов и предполагающих взаимодействие в рамках ЕАЭС, была незначительна – менее одного процента (см. табл. 1). При этом только половина из них (57,14 %) подразумевала сотрудничество с субъек-

тами стран ЕАЭС, остальные были ориентированы и на другие государства. Однако количество проектов, планирующих взаимодействие в рамках обозначенного интеграционного объединения, как и удельный вес тех из них, что были направлены исключительно на территорию ЕАЭС, увеличивались. Так, в первый выделенный временной отрезок указанная доля составляла 36,36 %, во второй – 50 %, в третий – 75 %. Важно и то, что иницируемые проекты чаще стали предполагать использование ресурсов субъектов прочих государств ЕАЭС и не только приглашение иностранных участников, но и проведение мероприятий на территории иных стран. В данном случае под использованием ресурсов субъектов прочих государств ЕАЭС мы понимаем привлечение экспертов из этих стран, организацию мероприятий с помощью иностранных некоммерческих организаций, обращение к зарубежным информационным ресурсам с целью распространения результатов проекта и т. д.

Таблица 1 / Table 1

Характеристики поданных проектов / Characteristics of submitted projects

Проекты	2017–2023		I этап	II этап	III этап
	Всего, ед.	Доля в общем числе, %			
Итого	5 853	100,00	100,00	100,00	100,00
В том числе предполагающие сотрудничество в рамках ЕАЭС	35	0,60	0,56	0,42	0,80
Из них:	20	0,34	0,20	0,21	0,60
предполагают сотрудничество только с субъектами стран ЕАЭС					
инициированы организациями регионов, граничащих со странами ЕАЭС	4	0,07	0,05	0,05	0,10
предполагают использование ресурсов субъектов прочих стран ЕАЭС	20	0,34	0,20	0,21	0,60
предполагают сотрудничество с субъектами:	4	0,07	0,10	0,00	0,10
Армении					
Беларуси	19	0,32	0,31	0,16	0,50
Казахстана	20	0,34	0,25	0,32	0,45
Кыргызстана	6	0,10	0,05	0,16	0,10
ЕАЭС в целом	2	0,03	0,05	0,05	0,00
предполагают сотрудничество в форме:	20	0,34	0,41	0,21	0,40
участия в мероприятиях граждан из иных стран ЕАЭС					

Проекты	2017–2023		І этап	ІІ этап	ІІІ этап
	Всего, ед.	Доля в общем числе, %			
проведения мероприятий на территории иных стран ЕАЭС	10	0,17	0,10	0,05	0,35
взаимодействия с органами власти или координационными органами иных стран ЕАЭС и/или ЕАЭС в целом	5	0,09	0,05	0,16	0,05

Примечание: на І этапе было подано 1 967 проектов, на ІІ этапе – 1 895, на ІІІ этапе – 1 991.

Источник: таблицы 1–6 рассчитаны автором.

При этом мы видим, что экологические проекты, при реализации которых планировалось сотрудничество в рамках ЕАЭС, в 1,61 раза чаще, по сравнению с прочими, получали финансирование (см. табл.2). Причем особенно велика доля выигравших проектов среди поданных организациями регионов, граничащих со странами ЕАЭС. Допустимо предположить, что это связано с лучшим пониманием в данных регионах ситуации по обе стороны границы, а также с более широкой сетью контактов и опытом взаимодействия. Стоит отметить и то, что по форме взаимодействия максимальный удельный вес поддержанных проектов характерен для предполагающих сотрудничество с органами власти или координационными органами иных государств ЕАЭС. Однако количество проектов, которые инициировали организации регионов, граничащих со странами ЕАЭС или планирующих взаимодействие с их органами власти, в общем числе рассматриваемых проектов крайне незначительно.

Таблица 2 / Table 2

Характеристики выигравших проектов / Characteristics of the winning projects

Проекты	2017–2023		І этап	ІІ этап	ІІІ этап
	Всего, ед.	Доля от числа поданных, %			
Итого	1 455	24,86	28,83	27,70	18,23
В том числе предполагающие сотрудничество в рамках ЕАЭС	14	40,00	54,55	37,50	31,25
Из них:	8	40,00	50,00	50,00	33,33
предполагают сотрудничество только с субъектами стран ЕАЭС					
инициированы организациями регионов, граничащих со странами ЕАЭС	3	75,00	100,00	100,00	50,00

IV. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Проекты	2017–2023		I этап	II этап	III этап
	Всего, ед.	Доля от числа поданных, %			
предполагают использование ресурсов субъектов прочих стран ЕАЭС	7	35,00	50,00	50,00	25,00
предполагают сотрудничество с субъектами:	2	50,00	50,00	–	50,00
Армении					
Беларуси	8	42,11	66,67	33,33	30,00
Казахстана	7	35,00	40,00	33,33	33,33
Кыргызстана	1	16,67	100,00	0,00	0,00
ЕАЭС в целом	1	50,00	100,00	0,00	–
предполагают сотрудничество в форме:	7	35,00	50,00	25,00	25,00
участия в мероприятиях граждан из иных стран ЕАЭС					
проведения мероприятий на территории иных стран ЕАЭС	4	40,00	50,00	100,00	28,57
взаимодействия с органами власти или координационными органами иных стран ЕАЭС и/или ЕАЭС в целом	3	60,00	100,00	33,33	100,00

Примечание: на I этапе победителями стали 567 проектов, на II этапе – 525, на III этапе – 363.

Большинство проектных заявок (42,86 %), предполагающих сотрудничество в рамках ЕАЭС, было ориентировано на повышение экологической грамотности и укрепление экологического мировоззрения; еще треть (34,29 %) – на деятельность в области защиты животных. Менее популярными оказались поднаправления «укрепление взаимодействия некоммерческих организаций, волонтеров и научных центров» (11,43 %), «озеленение территорий и лесовосстановление» и «совершенствование действующих стандартов и норм» (по 5,71 %) (см. табл. 3). При этом проекты лишь трех выделенных поднаправлений получили финансовую поддержку Фонда президентских грантов. Каждый третий проект (35,71 %) от общего числа реализованных с помощью финансирования фонда был направлен на повышение экологической культуры населения и планировал взаимодействие с субъектами иных государств ЕАЭС путем привлечения зарубежных участников для мероприятий, проводимых на территории Российской Федерации. Интересно, что среди поддержанных проектов использование ресурсов субъектов иных стран ЕАЭС осуществлялось чаще всего в рамках деятельности по защите животных.

Распределение по поднаправлениям проектных заявок, предполагающих сотрудничество в рамках ЕАЭС, % / Distribution by sub-areas of project applications involving cooperation within the EAEU, %

Поднаправление проекта	Использование ресурсов прочих стран ЕАЭС					
	не предполагается			предполагается		
	Форма предполагаемого сотрудничества					
	У	М	ОВ	У	М	ОВ
Деятельность в области защиты животных	2,86 (0,00)	2,86 (7,14)	–	14,29 (14,29)	5,71 (7,14)	8,57 (14,29)
Озеленение территорий и лесовосстановление	–	2,86 (0,00)	–	–	2,86 (0,00)	–
Повышение экологической грамотности и укрепление экологического мировоззрения	20,00 (21,43)	8,57 (14,29)	–	11,43 (14,29)	2,86 (0,00)	–
Совершенствование действующих стандартов и норм	–	–	5,71 (7,14)	–	–	–
Укрепление взаимодействия некоммерческих организаций, волонтеров и научных центров	–	–	–	8,57 (0,00)	2,86 (0,00)	–

Примечания:

1) в скобках – процент от выигравших проектов;

2) У – участники мероприятий из иных(ой) стран(ы) ЕАЭС, М – мероприятия на территории иных(ой) стран(ы) ЕАЭС, ОВ – взаимодействие с органами власти или координационными органами иных(ой) стран(ы) ЕАЭС и(или) ЕАЭС в целом.

Средний рейтинг выигравших экологических проектов, в которых предполагалось сотрудничество в рамках ЕАЭС, в сопоставлении с прочими несколько ниже, но статистически значимым данное различие признать нельзя (см. табл. 4). Также допустимо говорить о высокой однородности рейтинга проектов-победителей, направленных на разные территории (в среднем за 2017–2023 годы коэффициент вариации составил 4,68 %) или использование различных форм взаимодействия (коэффициент вариации 1,62 %). Мы видим несколько больший рейтинг выигравшего проекта, ориентированного на территорию ЕАЭС в целом. Однако необходимо помнить, что речь идет лишь об одном проекте и, соответственно, повышенный рейтинг может быть связан со множеством индивидуальных факторов.

Средний рейтинг выигравших проектов / Average rating of the winning projects

Проекты	2017–2023	I этап	II этап	III этап
Итого	70,84	71,68	69,98	70,78
В том числе предполагающие сотрудничество в рамках ЕАЭС	69,74	68,11	70,75	71,10
Из них:	70,01	71,54	66,00	71,25
предполагают сотрудничество только с субъектами стран ЕАЭС				
инициированы организациями регионов, граничащих со странами ЕАЭС	71,44	67,83	80,25	66,25
предполагают использование ресурсов субъектов прочих стран ЕАЭС	68,57	64,38	73,63	68,00
предполагают сотрудничество с субъектами:	69,75	69,00	–	70,50
Армении				
Беларуси	67,85	66,15	65,00	71,08
Казахстана	70,98	68,42	73,63	70,92
Кыргызстана	69,00	69,00	–	–
ЕАЭС в целом	76,25	76,25	–	–
предполагают сотрудничество в форме:	68,81	66,17	80,25	68,38
участия в мероприятиях граждан из иных стран ЕАЭС				
проведения мероприятий на территории иных стран ЕАЭС	71,06	67,75	65,00	75,75
взаимодействия с органами власти или координационными органами иных стран ЕАЭС и/или ЕАЭС в целом	70,17	76,25	67,00	67,25

Ожидаемо реализация поданных проектов, планирующих сотрудничество в рамках ЕАЭС, требует больших расходов (при прочих равных условиях охватывает большую территорию, большее число участников) (см. табл. 5). По выигравшим проектам превышение сумм расходов в течение всего анализируемого периода не зафиксировано, однако это, по всей видимости, обусловлено бюджетами проектов первого выделенного временного отрезка и/или их задачами.

Средняя сумма расходов на реализацию проектов в ценах 2017 года, млн руб. /
Average amount of expenses for project implementation in 2017 prices, million rubles

Проекты	2017–2023		I этап		II этап		III этап	
	ПП	ВП	ПП	ВП	ПП	ВП	ПП	ВП
Итого	2,46	1,26	2,81	1,47	2,61	1,09	1,97	1,18
В том числе предполагающие сотрудничество в рамках ЕАЭС	2,82	1,08	2,28	0,62	4,85	1,35	2,18	1,48
Из них: предполагают сотрудниче- ство только с субъектами стран ЕАЭС	2,21	1,33	2,08	0,39	1,69	1,72	2,43	1,60
инициированы организа- циями регионов, гранича- щих со странами ЕАЭС	0,99	1,08	1,73	1,73	0,60	0,60	0,81	0,92
предполагают использо- вание ресурсов субъектов прочих стран ЕАЭС	3,56	1,24	3,06	0,43	7,59	1,38	2,39	1,70
предполагают сотрудни- чество с субъектами: Армении	1,81	0,68	2,68	0,38	–	–	0,95	0,99
Беларуси	2,10	0,70	1,11	0,42	2,60	1,28	2,54	0,87
Казахстана	3,41	1,52	3,48	1,05	6,15	1,38	1,55	1,92
Кыргызстана	5,89	0,38	0,38	0,38	10,49	–	1,74	–
ЕАЭС в целом	0,49	0,34	0,34	0,34	0,64	–	–	–
предполагают сотрудниче- ство в форме: участия в мероприя- тиях граждан из иных стран ЕАЭС	3,01	0,78	2,24	0,74	8,02	0,60	1,27	0,95
проведения меро- приятий на территории иных стран ЕАЭС	2,97	1,00	3,43	0,43	1,28	1,28	3,08	1,15
взаимодействия с орга- нами власти или коор- динационными органа- ми иных стран ЕАЭС и/или ЕАЭС в целом	1,80	1,89	0,34	0,34	1,82	2,16	3,18	3,18

Примечание: ПП – поданные проекты, ВП – выигравшие проекты.

Средняя доля финансирования экологических проектов, в кото-
рых предполагалось взаимодействие с субъектами иных государств ЕАЭС,
сопоставима с другими проектами в сфере защиты экосистем (см. табл. 6).

В то же время для 2017–2023 годов и проектов, направленных на разные территории или применяющих различные формы сотрудничества, можно отметить однородность удельного веса средств из прочих источников только по поданным заявкам (коэффициент вариации – 17,34 и 25,88 % соответственно). Для выигравших проектов характерна гетерогенность данного показателя (коэффициент вариации соответственно 117,52 и 71,32 %). Применительно к территории охвата указанная неоднородность во многом связана с высокой долей софинансирования проектов, планирующих взаимодействие с субъектами из Армении. Также нельзя не обратить внимания на низкий удельный вес средств из иных источников проектов, инициированных организациями регионов, которые имеют границу со странами ЕАЭС.

Таблица 6 / Table 6

Средняя доля софинансирования проектов, % /
Average share of co-financing of projects, %

Проекты	2017–2023		I этап		II этап		III этап	
	ПП	ВП	ПП	ВП	ПП	ВП	ПП	ВП
Итого	21,27	3,58	16,21	1,00	19,30	0,47	28,15	12,11
В том числе предполагающие сотрудничество в рамках ЕАЭС	21,49	2,54	14,32	0,32	20,17	0,39	27,07	6,48
Из них:	22,60	1,28	24,35	0,43	15,49	0,27	24,38	2,21
предполагают сотрудничество только с субъектами стран ЕАЭС								
инициированы организациями регионов, граничащих со странами ЕАЭС	4,73	0,44	0,20	0,20	0,63	0,63	9,05	0,50
предполагают использование ресурсов субъектов прочих стран ЕАЭС	22,53	4,68	15,01	0,34	13,17	0,37	28,16	10,44
предполагают сотрудничество с субъектами:	16,59	11,88	2,68	0,19	–	–	30,50	23,57
Армении								
Беларуси	22,58	3,31	15,42	0,36	21,86	0,44	27,09	8,20
Казахстана	22,93	4,64	17,90	0,20	19,64	0,37	27,92	10,46
Кыргызстана	27,40	0,19	0,19	0,19	32,93	–	32,72	–
ЕАЭС в целом	21,71	0,29	0,29	0,29	43,12	–	–	–
предполагают сотрудничество в форме:	23,24	3,68	15,19	0,27	24,85	0,63	30,49	12,03
участия в мероприятиях граждан из иных стран ЕАЭС								

Проекты	2017–2023		I этап		II этап		III этап	
	ПП	ВП	ПП	ВП	ПП	ВП	ПП	ВП
проведения мероприятий на территории иных стран ЕАЭС	21,81	0,52	17,86	0,55	0,44	0,44	25,99	0,54
взаимодействия с органами власти или координационными органами иных стран ЕАЭС и/или ЕАЭС в целом	13,82	2,55	0,29	0,29	20,51	0,10	7,25	7,25

Примечание: ПП – поданные проекты, ВП – выигравшие проекты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2017–2023 годах некоммерческие организации, разрабатывая проекты на конкурсы Фонда президентских грантов по экологическому направлению, были слабо ориентированы на сотрудничество с субъектами из иных государств ЕАЭС (менее одного процента проектных заявок предполагало подобное взаимодействие). В то же время доля указанных проектов росла и повышался удельный вес инициатив, в которых планировалось международное сотрудничество с субъектами исключительно стран ЕАЭС. По всей видимости, это явилось следствием происходящих геополитических изменений.

Большинство проектных заявок, предусматривавших взаимодействие в рамках ЕАЭС, а именно 42,86 %, предполагало повышение экологической грамотности и укрепление экологического мировоззрения, еще треть – деятельность в области защиты животных. При этом среди поддержанных проектов использование ресурсов субъектов прочих стран ЕАЭС чаще всего имело место в деятельности по защите животных. Во многом сотрудничество в рамках ЕАЭС ограничивалось привлечением иностранных граждан для участия в организуемых мероприятиях (было предусмотрено в 57,14 % проектов), причем практически в половине случаев граждане рассматривались лишь как участники (не эксперты) образовательных мероприятий в целом (20,00 % проектов) или непосредственно в области защиты животных (2,86 %). Аналогичная ситуация наблюдалась и с органами власти: в 5,71 % проектов последние выступали только как стороны, приглашенные на образовательные мероприятия, и получатели рекомендаций, их экспертный, консультационный и координационный потенциал не был востребован. Таким образом, уточняя теорию коллективных действий, можно говорить о наблюдаемом сегодня слабом учете возможности и целесообразности повышения эффективности экологических проектов посредством сотрудничества с иными субъектами с близкой социальной идентичностью.

В то же время экологические ценности неотделимы от этических (Каргинова-Губинова, 2024а), и в разных странах из-за различия культуры и традиций ценность природы и ее восприятие существенно отличаются. Более того, расходятся и изначальные знания в сфере защиты экосистем –

вследствие расхождения образовательных программ, имеющейся инфраструктуры и опыта, разницы природных ландшафтов. Поэтому прямой перенос обучающих программ может быть неэффективен. Хотя, безусловно, нельзя не признать, что формирование интеграционных объединений обычно базируется на определенной культурной и исторической близости государств и, соответственно, наличии схожего опыта. Таким образом, в рамках интеграционных объединений эффективность реализации совместных мероприятий по распространению экологических знаний выше.

На основании изложенного можно рекомендовать органам власти и специалистам Фонда президентских грантов для более эффективного решения экологических проблем стимулировать взаимодействие некоммерческих организаций Российской Федерации с субъектами иных стран ЕАЭС. Указанное стимулирование возможно через проведение обучающих мероприятий и предоставление помощи в поиске зарубежных партнеров. При этом необходимо увеличивать число российских организаций, вовлекаемых в сотрудничество в рамках ЕАЭС, и расширять направления, которые оно охватывает: это должно быть не только и не столько экологическое просвещение, но и осуществление общественного контроля, организация природоохранных мероприятий для восстановления природных ресурсов и объектов исторического наследия, участие в законодательном процессе и совершенствовании стандартов и т. д.

Не менее важно, чтобы международное взаимодействие не ограничивалось, как это часто происходит сегодня, односторонней передачей знаний, опыта, методик со стороны третьего сектора России, решением экологических проблем прочих государств ЕАЭС его усилиями. Использование экспертного, консультационного, координационного и научно-технического потенциала субъектов всех членов интеграционного объединения повысит получаемый эффект в каждом из них.

Исследование стоит продолжить изучением частоты и интенсивности зарубежных контактов некоммерческих организаций, реализующих экологические проекты в рамках иных интеграционных объединений и/или не связанных с получением финансирования из Фонда президентских грантов.

Список источников

Завьялов А. Г., Серeda Е. В. Развитие и интеграция институтов гражданского общества (на примере стран-участниц ЕАЭС) // Теория государства и права. 2024. № 2–1. С. 73–79. https://doi.org/10.47905/MATGIP_2024_2-1_37_73. EDN: ONIYAV.

Каргинова-Губинова В. В. Методология экологической экономики, или как возможно познание причинных механизмов взаимосвязанных экосистем? М.: Первое экон. изд-во, 2024а. 200 с. <https://doi.org/10.18334/9785912925375>. EDN: RWWNUB.

Каргинова-Губинова В. В. Неорганичная органика: развитие рынка органической продукции при конфликте удовлетворяемых интересов. М.: Первое экон. изд-во, 2024b. 300 с. <https://doi.org/10.18334/9785912925146>. EDN: AVYSHY.

Курумчина А. Э. Международный потенциал российских НКО в сфере культурной дипломатии альянса БРИКС // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2024. № 2. С. 146–154. <https://doi.org/10.24412/3005-8023-2024-2-146-154>. EDN: RDINNM.

Курумчина А. Э. Роль российских негосударственных некоммерческих организаций в продвижении культурной политики группы БРИКС на международном уровне // Сервис plus. 2021. Т. 15, № 4. С. 125–135. <https://doi.org/10.24412/2413-693X-2021-4-125-135>. EDN: HSPUHE.

Нам И. В. Взаимодействие государства и социально-ориентированных некоммерческих организаций в сфере адаптации и интеграции мигрантов // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск: Краснояр. регион. обществ. организация «Содружество просветителей Красноярья», 2023. С. 84–100. EDN: UDRAGX.

Тюхов Д. С. Развитие некоммерческого сектора: опыт России и Казахстана // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 5. С. 365–371. EDN: HGEMPT.

Banks N., Schulpfen L., Brockington D. New sectoral perspectives on international NGOs: Scale, dynamics and influences // Development in Practice. 2020. Vol. 30, № 6. P. 695–705. <https://doi.org/10.1080/09614524.2020.1801595>. EDN: DGZATW.

Becker J. C. The system-stabilizing role of identity management strategies: Social creativity can undermine collective action for social change // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103, № 4. P. 647–662. <https://doi.org/10.1037/a0029240>.

Drelich-Skulaska B., Domiter M. The European Union as a platform for the European NGOs' operations: Market versus democracy // Eurasian economic perspectives. Eurasian studies in business and economics / Ed. by M. Bilgin, H. Danis, E. Demir et al. Cham: Springer, 2020. P. 155–167. https://doi.org/10.1007/978-3-030-48531-3_11.

Fransen L., Dupuy K., Hinfelaar M. et al. Tempering transnational advocacy? The effect of repression and regulatory restriction on transnational NGO collaborations // Global Policy. 2021. Vol. 12, № S5. P. 11–22. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12972>. EDN: YZBBZG.

Geyer R. Can European Union (EU) social NGOs co-operate to promote EU social policy? // Journal of Social Policy. 2001. Vol. 30, № 3. P. 477–493. <https://doi.org/10.1017/S0047279401006353>. EDN: FOHCBF.

Greenspan I., Cohen-Blankshtain G., Geva Y. NGO roles and anticipated outcomes in environmental participatory processes: A typology // Non-profit and Voluntary Sector Quarterly. 2022. Vol. 51, № 3. P. 633–657. <https://doi.org/10.1177/08997640211008989>. EDN: EHKPZQ.

Hatte S., Koenig P. The geography of NGO activism against multinational corporations // The World Bank Economic Review. 2020. Vol. 34, № 1. P. 143–163. <https://doi.org/10.1093/wber/lhy007>.

Heinzel M., Koenig-Archibugi M. Harmful side effects: How government restrictions against transnational civil society affect global health // British Journal of Political Science. 2023. Vol. 53, № 4. P. 1293–1310. <https://doi.org/10.1017/S0007123422000564>. EDN: DOMICC.

Koebele E. A. Cross-coalition coordination in collaborative environmental governance processes // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2020. Vol. 48, № 3. P. 727–753. <https://doi.org/10.1111/psj.12306>.

Liu W., Heugens P. P. M. A. R. Cross-sector collaborations in global supply chains as an opportunity structure: How NGOs promote corporate sustainability in China // *Journal of International Business Studies*. 2024. Vol. 55. P. 429–449. <https://doi.org/10.1057/s41267-023-00644-9>. EDN: QLTVOC.

Liu Z., Wang Z., Xu M. et al. The priority areas and possible pathways for health cooperation in BRICS countries // *Global Health Research and Policy*. 2023. Vol. 8. Art. № 36. <https://doi.org/10.1186/s41256-023-00318-x>. EDN: NZJOTU.

Miković R., Petrović D., Mihić M. et al. The integration of social capital and knowledge management – The Key challenge for international development and cooperation projects of nonprofit organizations // *International Journal of Project Management*. 2020. Vol. 38, № 8. P. 515–533. <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2020.07.006>. EDN: WLUUXE.

Mitchell G. E., Schmitz H. P., Bruno-van Vijfeijken T. Between power and irrelevance: The future of transnational NGOs. New York: Oxford University Press, 2020. 349 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190084714.001.0001>.

Mousavi S., Bossink B. Corporate-NGO partnership for environmentally sustainable innovation: Lessons from a cross-sector collaboration in aviation biofuels // *Environmental Innovation and Societal Transitions*. 2020. Vol. 34. P. 80–95. <https://doi.org/10.1016/j.eist.2019.12.005>. EDN: QRGGEA.

O'Neill K. Architects, agitators, and entrepreneurs: International and nongovernmental organizations in global environmental politics // *The global environment: Institutions, law, and policy* / Ed by R. S. Axelrod, S. D. VanDeveer. 5th ed. Washington, DC: CQ Press, 2019. P. 35–67.

Olson M. Increasing the incentives for international cooperation // *International Organization*. 1971. Vol. 25, № 4. P. 866–874. <https://doi.org/10.1017/S002081830001777X>.

Rödder S. The ambivalent role of environmental NGOs in climate communication // *Journal of Science Communication*. 2020. Vol. 19, № 6. Art. № C03. <https://doi.org/10.22323/2.19060303>. EDN: IQJXGD.

Schmitz H. P., Mitchell G. E. Understanding the limits of transnational NGO power: Forms, norms, and the architecture // *International Studies Review*. 2022. Vol. 24, № 3. Art. № viac042. <https://doi.org/10.1093/isr/viac042>. EDN: GENDGM.

Shah I., Mahmood T., Khan S. A. et al. Inter-agency collaboration and disaster management: A case study of the 2005 earthquake disaster in Pakistan // *Journal of Disaster Risk Studies*. 2022. Vol. 14, № 1. Art. № 1088. <https://doi.org/10.4102/jamba.v14i1.1088>. EDN: ASOVBG.

Song E. E. How outsourcing social services to NGOs bolsters political trust in China: Evidence from Shanghai // *Chinese Political Science Review*. 2024. Vol. 9. P. 36–62. <https://doi.org/10.1007/s41111-021-00207-z>. EDN: RMRGQX.

Stekelorum R., Laguir I., Elbaz J. Cooperation with international NGOs and supplier assessment: Investigating the multiple mediating role of CSR activities in SMEs // *Industrial Marketing Management*. 2020. Vol. 84. P. 50–62. <https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2019.04.001>. EDN: VBPEY.

Tan H., Li J., He M. et al. Global evolution of research on green energy and environmental technologies: A bibliometric study // *Journal of Environmental Management*. 2021. Vol. 297. Art. № 113382. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2021.113382>. EDN: QNWAMJ.

Timilsina G. R. Financing climate change adaptation: International initiatives // *Sustainability*. 2021. Vol. 13, № 12. Art. № 6515. <https://doi.org/10.3390/su13126515>. EDN: UTIGXB.

Tran L., AbouAssi K. Local organizational determinants of local-international NGO collaboration // *Public Management Review*. 2021. Vol. 23, № 6. P. 865–885. <https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1708436>. EDN: FPALCX.

Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives // *Psychological Bulletin*. 2008. Vol. 134, № 4. P. 504–535. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.4.504>.

Информация об авторе

В. В. Каргинова-Губинова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела региональной экономической политики Института экономики – обособленного подразделения ФГБУН Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», 185030, Россия, г. Петрозаводск, пр-т Александра Невского, 50

SPIN-код (РИНЦ): 6756-6690

AuthorID (РИНЦ): 818399

Web of Science ResearcherID: H-9921-2018

Scopus Author ID: 57212378063

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.07.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 02.09.2025.

References

Zavyalov, A. G. and Sereda, E. V. (2024), “Development and integration of civil society institutions (on the example of the EAEU member countries)”, *Theory of State and Law*, no. 2–1, pp. 73–79, https://doi.org/10.47905/MATGIP_2024_2-1_37_73, EDN: ONIYAV.

Karginova-Gubinova, V. V. (2024a), *Metodologiya ekologicheskoi ekonomiki, ili kak vozmozhno poznanie prichinnykh mekhanizmov vzaimosvyazanykh ekosistem?* [The methodology of ecological economics, or how to cognize the causal mechanisms of interconnected ecosystems?], *Pervoe ekonomicheskoe izdatel'stvo*, Moscow, Russia, <https://doi.org/10.18334/9785912925375>, EDN: RWWNUB.

Karginova-Gubinova, V. V. (2024b), *Neorganichnaya organika: razvitie rynka organicheskoi produktsii pri konflikte udovletvoryaemykh interesov* [Inorganic organics: Development of the organic products market under the conflict of satisfiable interests], *Pervoe ekonomicheskoe izdatel'stvo*, Moscow, Russia, <https://doi.org/10.18334/9785912925146>, EDN: AVYSHY.

Kurumchina, A. E. (2024), “International potential of Russian regional NGOs in the sphere of culture of diplomacy of BRICS alliance”, *Bulletin of TSU LBP. Series of Social Sciences*, no. 2, pp. 146–154, <https://doi.org/10.24412/3005-8023-2024-2-146-154>, EDN: RDINNM.

Kurumchina, A. E. (2021), “The role of non-governmental non-profit organizations in promoting the cultural policy of BRICS at the international level”, *Service Plus*, vol. 15, no. 4, pp. 125–135, <https://doi.org/10.24412/2413-693X-2021-4-125-135>, EDN: HSPUHE.

Nam, I. V. (2023), “Interaction of the state and socially oriented non-profit organizations in the field of adaptation and integration of migrants”, in *Spetsifika etnicheskikh migratsionnykh protsessov na territorii Tsentral'noi Sibiri v XX–XXI vekakh: opyt i perspektivy* [The specificity of ethnic migration processes in Central Siberia in the 20th–21st centuries: Experience and prospects: Proceedings of the International scientific and practical conference, Krasnoyarsk regional public organization “Commonwealth of Enlighteners of Krasnoyarsk”, Krasnoyarsk, Russia, pp. 84–100, EDN: UDRAGX.

Tyukhov, D. S. (2022), “Development of the non-profit Sector: The experience of Russia and Kazakhstan”, *SCIIF. Questions of Student Science*, no. 5, pp. 365–371, EDN: HGEMPT.

Banks, N., Schulpen, L. and Brockington, D. (2020), “New sectoral perspectives on international NGOs: Scale, dynamics and influences”, *Development in Practice*, vol. 30, no. 6, pp. 695–705, <https://doi.org/10.1080/09614524.2020.1801595>, EDN: DGZATW.

Becker, J. C. (2012), “The system-stabilizing role of identity management strategies: Social creativity can undermine collective action for social change”, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 103, no. 4, pp. 647–662, <https://doi.org/10.1037/a0029240>.

Drelich-Skulka, B. and Domiter, M. (2020), “The European Union as a platform for the European NGOs’ operations: Market versus democracy”, in Bilgin, M., Danis, H., Demir, E. et al. (eds.), *Eurasian economic perspectives. Eurasian studies in business and economics*, Springer, Cham, Netherlands, pp. 155–167, https://doi.org/10.1007/978-3-030-48531-3_11.

Fransen, L., Dupuy, K., Hinfelaar, M. et al. (2021), “Tempering transnational advocacy? The effect of repression and regulatory restriction on transnational NGO collaborations”, *Global Policy*, vol. 12, no. S5, pp. 11–22, <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12972>, EDN: YZBBZG.

Geyer, R. (2001), “Can European Union (EU) social NGOs co-operate to promote EU social policy?”, *Journal of Social Policy*, vol. 30, no. 3, pp. 477–493, <https://doi.org/10.1017/S0047279401006353>, EDN: FOHCBF.

Greenspan, I., Cohen-Blankshtain, G. and Geva, Y. (2022), “NGO roles and anticipated outcomes in environmental participatory processes: A typology”, *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, vol. 51, no. 3, pp. 633–657, <https://doi.org/10.1177/08997640211008989>, EDN: EHKPZQ.

Hatte, S. and Koenig, P. (2020), “The geography of NGO activism against multinational corporations”, *The World Bank Economic Review*, vol. 34, no. 1, pp. 143–163, <https://doi.org/10.1093/wber/lhy007>.

Heinzel, M. and Koenig-Archibugi, M. (2023), "Harmful side effects: How government restrictions against transnational civil society affect global health", *British Journal of Political Science*, vol. 53, no. 4, pp. 1293–1310, <https://doi.org/10.1017/S0007123422000564>, EDN: DOMICC.

Koebele, E. A. (2020), "Cross-coalition coordination in collaborative environmental governance processes", *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, vol. 48, no. 3, pp. 727–753, <https://doi.org/10.1111/psj.12306>.

Liu, W. and Heugens P. P. M. A. R. (2024), "Cross-sector collaborations in global supply chains as an opportunity structure: How NGOs promote corporate sustainability in China", *Journal of International Business Studies*, vol. 55, pp. 429–449, <https://doi.org/10.1057/s41267-023-00644-9>, EDN: QLTVOC.

Liu, Z., Wang, Z., Xu, M. et al. (2023), "The priority areas and possible pathways for health cooperation in BRICS countries", *Global Health Research and Policy*, vol. 8, art. no. 36, <https://doi.org/10.1186/s41256-023-00318-x>, EDN: NZJOTU.

Miković, R., Petrović, D., Mihić, M. et al. (2020), "The integration of social capital and knowledge management – The key challenge for international development and cooperation projects of nonprofit organizations", *International Journal of Project Management*, vol. 38, no. 8, pp. 515–533, <https://doi.org/10.1016/j.ijproman.2020.07.006>, EDN: WLUUXE.

Mitchell, G. E., Schmitz, H. P. and Bruno-van Vijfeijken, T. (2020), *Between power and irrelevance: The future of transnational NGOs*, Oxford University Press, New York, NY, US, <https://doi.org/10.1093/oso/9780190084714.001.0001>.

Mousavi, S. and Bossink, B. (2020), "Corporate-NGO partnership for environmentally sustainable innovation: Lessons from a cross-sector collaboration in aviation biofuels", *Environmental Innovation and Societal Transitions*, vol. 34, pp. 80–95, <https://doi.org/10.1016/j.eist.2019.12.005>, EDN: QRGGEA.

O'Neill, K. (2019), "Architects, agitators, and entrepreneurs: International and nongovernmental organizations in global environmental politics", in Axelrod, R. S. and VanDeveer, S. D. (eds.), *The global environment: Institutions, law, and policy*, CQ Press, Washington, DC, US, pp. 35–67.

Olson, M. (1971), "Increasing the incentives for international cooperation", *International Organization*, vol. 25, no. 4, pp. 866–874, <https://doi.org/10.1017/S002081830001777X>.

Rödder, S. (2020), "The ambivalent role of environmental NGOs in climate communication", *Journal of Science Communication*, vol. 19, no. 6, art. no. C03, <https://doi.org/10.22323/2.19060303>, EDN: IQJXGD.

Schmitz, H. P. and Mitchell, G. E. (2022), "Understanding the limits of transnational NGO power: Forms, norms, and the architecture", *International Studies Review*, vol. 24, no. 3, art. no. viac042, <https://doi.org/10.1093/isr/viac042>, EDN: GENDGM.

Shah, I., Mahmood, T., Khan, S. A. et al. (2022), "Inter-agency collaboration and disaster management: A case study of the 2005 earthquake disaster in Pakistan", *Journal of Disaster Risk Studies*, vol. 14, no. 1, art. no. 1088, <https://doi.org/10.4102/jamba.v14i1.1088>, EDN: ASOVBG.

Song, E. E. (2024), "How outsourcing social services to NGOs bolsters political trust in China: Evidence from Shanghai", *Chinese Political Science Review*, vol. 9, pp. 36–62, <https://doi.org/10.1007/s41111-021-00207-z>, EDN: RMRGQX.

Stekelorum, R., Laguir, I. and Elbaz, J. (2020), "Cooperation with international NGOs and supplier assessment: Investigating the multiple mediating role of CSR activities in SMEs", *Industrial Marketing Management*, vol. 84, pp. 50–62, <https://doi.org/10.1016/j.indmarman.2019.04.001>, EDN: VBPYEY.

Tan, H., Li, J., He, M. et al. (2021), "Global evolution of research on green energy and environmental technologies: A bibliometric study", *Journal of Environmental Management*, vol. 297, art. no. 113382, <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2021.113382>, EDN: QNWAMJ.

Timilsina, G. R. (2021), "Financing climate change adaptation: International initiatives", *Sustainability*, vol. 13, no. 12, art. no. 6515, <https://doi.org/10.3390/su13126515>, EDN: UTIGXB.

Tran, L. and AbouAssi, K. (2021), "Local organizational determinants of local-international NGO collaboration", *Public Management Review*, vol. 23, no. 6, pp. 865–885, <https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1708436>, EDN: FPALCX.

Van Zomeren, M., Postmes, T. and Spears, R. (2008), "Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives", *Psychological Bulletin*, vol. 134, no. 4, pp. 504–535, <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.4.504>.

Information about the author

V. V. Karginova-Gubinova – Candidate of Economics, Senior Researcher of the Department of Regional Economic Policy at the Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 50 Nevsky Ave., Petrozavodsk, 185030, Russia

SPIN code (RSCI): 6756-6690

AuthorID (RSCI): 818399

Web of Science ResearcherID: H-9921-2018

Scopus Author ID: 57212378063

The author declares no conflicts of interest.

The article was submitted on 22.07.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 02.09.2025.